

Ю.В. Домамский (Тверь)

КОММЕНТАРИЙ К ОДНОЙ ЦИТАТЕ
У КОНСТАНТИНА КИНЧЕВА

Не раз отмечалось, что русская рок-поэзия насыщена многочисленными цитатами из разнообразных литературных источников (от текстов западных рок-групп до произведений русской классиче—

ской литературы). Не исключение и творчество Константина Кинчева. Так, Н. Барановская отметила несколько цитат в стихотворении «Сумерки» (альбом «Шабаш». 1991). Мы обратимся лишь к одной из них — цитате из стихотворения Высоцкого «Песня о Петровской Руси». По поводу этой цитаты Н. Барановская замечает, что Кинчев утратил часть иллюзий Высоцкого.

У Высоцкого:

В синем небе, колокольнями проколотом —
Медный колокол, медный колокол
то ль возрадовался, то ли осерчал.
Купола в России кроют чистым золотом,
чтобы чаще Господь замечал .

У Кинчева:

Но в комнатах воздух приторный.
То ли молимся, то ли блюем
Купола в России кроют корытами
Чтобы реже вспоминалось о Нем

При всей справедливости наблюдения Барановской оно выглядит все же недостаточным, поскольку особенности трансформации текста Высоцкого создают важные оттенки смысла стихотворения Кинчева. Так, вместо «чистого золота» Высоцкого появляются «корыта», обытовляющие и снижающие смысл источника. При этом мотив корыта в русском культурном сознании непременно отсылает к пушкинской сказке, и потому в диалоге Кинчева с Высоцким этот мотив означает *бедность* в противоположность золоту как эмблеме *богатства*. В сравнении с текстом Высоцкого у Кинчева изменяется пространство («небо» превращается в «комнаты») и отношение к Богу (у Высоцкого купола кроют — «чтобы *чаще* Господь замечал», у Кинчева — «*чтобы реже* вспоминалось о Нем»).

В стихотворении Высоцкого, которое писалось для фильма «Как царь Петр арапа женил» и должно было передать колорит эпохи Петра, доминирует идея возрождения России, свойственная восприятию этой эпохи в 1960-1970-е гг. У Кинчева эту идею сменяет ощущение безысходности. Это подтверждается соотнесением описаний состояния (колокола у Высоцкого и героя (мы) у Кинчева), которые в обоих текстах строятся по одинаковым моделям («возрадовался — осерчал» и «молимся — блюем»), но и отчетливо различаются: у Кинчева вместо мягко просторечного «осерчал» появляется вульгарное «блюем», усиливающее противопоставление к «молимся».

Обращение к тексту Высоцкого в «Сумерках» Кинчева не ограничивается только рассматриваемой цитатой. Так по одинаковой модели соотнесения противоположных характеристик и у Высоцкого, и у Кинчева строится оценка России. У Высоцкого страна

солону да горько-кисло-сладкая. / голубая, родниковая, ржаная. У Кинчева «Посреди гряда да алмазные россыпи • • Глазами в облаки да в трясину ногой». «Грязь» у Кинчева — один из знаков России. То же и у Высоцкого («Грязью чавкая, жирной да ржавой, ВЯЗНУТ лошади по стремяна»). Но если у Высоцкого есть связующее звено между «грязью» и «синим небом» — колокольня, то у Кинчева небо недосыгаемо («Ишем у воды прощения небес»).

В обоих стихотворениях один из ключевых мотивов — «душа»

— наделяется похожими характеристиками «сбитая утратами да тратами», «стертая перекатами» у Высоцкого и «мутная», вылаканная «почти до дна» у Кинчева. Однако если у Высоцкого есть надежда на спасение души («Залатаю золотыми я заплатами, чтобы чаще Господь замечал»), то у Кинчева душу спасти нельзя, поскольку *мы* «пели о душе да всё плевали в нее».

То же происходит и с образами птиц: у Высоцкого — вещицы птицы из сказок Сирин, Алконост и подающий надежду Гамаюн. У Кинчева — вóроны («Пейте, гуляйте, вóроны. / Нынче ваш день»).

Наконец, *воздух*, который у Высоцкого «крут перед грозой, крут да вязок», у Кинчева становятся «приторным».

Как видим, одни и те же мотивы у Высоцкого и у Кинчева выступают как знаки России. Но у Кинчева *грядущее возрождение* характерное для стихотворения Высоцкого, превращается в *безысходность*, что позволяет говорить и о возможности самовыражения в диалоге с Высоцким, и о принципиальной полемике Кинчева с «петровско-высоцкой» идеей возрождения России.